

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ. Д.И. ГУЛИА

На правах рукописи

ХАДЖИМБА САИДА ОЛЕГОВНА

**БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ И ПРОКЛЯТИЯ
В АБХАЗСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ**

Специальность:
5.9.4.– фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Сухум – 2024

Работа выполнена в Отделе фольклора Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии

Научный руководитель: **Джапуа Зураб Джотович**
доктор филологических наук, профессор,
академик АНА,
иностраннный член РАН

Официальные оппоненты:

Унарокова Раиса Батмирзовна
доктор филологических наук, профессор,
заведующая Центром адыгovedения и адыгской
филологии, заведующая кафедрой истории и
культуры адыгов факультета адыгской филологии
и культуры Адыгейского государственного
университета

Селеева Цаган Бадмаевна
кандидат филологических наук,
научный сотрудник Калмыцкого научного центра
РАН

Ведущая организация: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева

Защита состоится 19 декабря 2024 г. в ___ часов на заседании Диссертационного совета по присуждению ученой степени кандидата филологических наук при Абхазском институте гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА по адресу: 384900, Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Аидгылара, 44.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, а также на сайте АНА: akademra.org. в разделе «Научно-исследовательская деятельность».

Автореферат разослан «___» _____ 2024 г.

Отзывы на автореферат, заверенные печатью, просим присылать по адресу: 384900, г. Сухум, ул. Аидгылара, 44, abigi@rambler.ru.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат исторических наук **А.Ш. Хашба**

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Диссертационная работа посвящена изучению благопожеланий и проклятий в абхазском фольклоре. Данная тема была выбрана в качестве объекта изучения по ряду причин. Основными из них являются значимость текстов и обрядов благопожеланий и проклятий в мировоззрении и образе жизни абхазов и в то же время – малая изученность темы. Необходимо отметить, что абхазские благопожелания и проклятия еще не были предметом специального исследования. Более того, все имеющиеся у нас тексты опубликованы в сборниках статей, полевых материалов, но по настоящее время формулы абхазских благопожеланий и проклятий не были собраны воедино и систематизированы.

В изучении благопожеланий и проклятий встречаются сложности, основной из которых является практически отсутствие аутентичных записей текстов того периода, когда абхазская фольклорная традиция находилась на пике своего расцвета, когда каждый информант представлял собой кладезь традиционной культуры. Однако традиционные обряды моления, обряды жертвоприношений, обряды проклинания, очистительные присяги, обряды отмаливания, со всеми сопровождающими их текстами, подпадали под определение суеверий и предрассудков. Поэтому многие вопросы в исследовании этих текстов и обрядов в связи с отсутствием ранних записей и фиксаций остаются открытыми. Актуальность выбранной темы также обоснована активным использованием благопожеланий и проклятий в абхазском обществе, наличием всех характерных признаков, обязательных для «живых» жанров.

Цели и задачи исследования. Целью диссертационной работы является исследование значимости абхазских благопожеланий и проклятий в традиционном абхазском мировосприятии, изучение их жанровых особенностей, структуры и поэтики, составление указателя формул.

Для достижения указанных целей обозначены следующие задачи:

- определить место благопожеланий и проклятий в мышлении и образе жизни абхазов;
- выявить основные сложности и проблемы записи и изучения материала;
- установить основные признаки и особенности абхазских благопожеланий и проклятий;
- выделить поэтико-стилевые особенности абхазских благопожеланий и проклятий;
- обозначить роль благопожеланий и проклятий в функционировании других жанров абхазского фольклора;

- составить тематический указатель формул абхазских благопожеланий и проклятий, снабженный переводом.

Научная новизна диссертационной работы заключается, прежде всего, в том, что рассматривается малоизученная тема абхазской культуры, абхазского фольклора. В исследовании в неразрывном единстве анализируется материал, который ранее не изучался в подобном сопоставлении. Также в работе уделяется особое внимание роли благопожеланий и проклятий в формировании других фольклорных жанров, таких, к примеру, как героический эпос.

Теоретическая значимость диссертационной работы состоит в том, что она может стать своеобразной базой для более глубокого, детального изучения абхазских благопожеланий и проклятий. В абхазской фольклористике данное исследование может служить аргументом для пересмотра значимости т.н. малых жанров абхазского фольклора в формировании более крупных, более «признанных» жанров. Основная ценность диссертационной работы заключается в многоаспектном изучении абхазских благопожеланий и проклятий и составлении их единой, систематизированной базы.

Практическая значимость работы заключается в основном во включении в научный оборот около 1000 текстов благопожеланий и проклятий с переводом на русский язык. Содержание диссертации может стать основой для составления курса лекций в рамках преподавания абхазского фольклора студентам вузов.

Основополагающими теоретическими работами при написании данной диссертации стали труды С.Т. Званба, Ш.Д. Инал-ипа, И.А. Аджинджал, Л.Х. Акаба, Б.Х. Бгажнокова, Е.Г. Кагарова, Л.Н. Виноградовой, Т.Г. Басанговой, И.А. Седаковой.

Методы исследования. Основными методами исследования являются описательный и структурно-семантический.

Предмет исследования. Объектом исследования является абхазская паремология. В качестве непосредственного предмета диссертационной работы взяты: роль абхазских благопожеланий и проклятий в традиционном мировоззрении абхазов, проблемы фиксации материала, история фиксации, публикации и изучения абхазских текстов благопожеланий и проклятий, жанровая специфика и поэтико-стилевые особенности абхазских благопожеланий и проклятий, своеобразие проявления благопожеланий и проклятий в других жанрах абхазского фольклора. В диссертационной работе акцент сделан на вербальную форму жанров.

Привлеченные источники. В качестве материала исследования используются тексты, опубликованные в работах Ш.Д. Инал-ипа, С.Л. Зухба, Ю.Г. Аргун, Г.И. Цвинариа, и полевого материал автора диссертации.

Структура диссертации. Диссертационная работа имеет следующую структуру: введение, три главы, тематический указатель, заключение, список литературы и сведения о полевых материалах автора.

Положения, выносимые на защиту:

1. Формулы абхазских благопожеланий и проклятий являются репрезентантами многовековой культуры абхазов, их менталитета и мировосприятия. В них аккумулировано мышление народа, его восприятие основных ценностей.

2. Тексты благопожеланий и проклятий охватывают всю обрядовую сторону традиционной абхазской культуры, в них отражены многие сферы жизнедеятельности абхазов.

3. Абхазские формулы благопожеланий и проклятий имеют много общих черт со схожими жанрами в других культурах, что обусловлено единой природой человека. При этом тексты абхазских благопожеланий и проклятий имеют немало своих особенностей.

4. Тексты абхазских благопожеланий и проклятий, несмотря на семантическое противостояние, образуют единое пространство, основанное на вере в магическую силу слова.

5. Многие формулы абхазских благопожеланий и проклятий функционируют в обязательной связке с обрядами, однако вербальная форма благопожеланий и проклятий требует особого научного анализа.

6. Тексты абхазских благопожеланий и проклятий вобрали в себя всю художественность абхазского языка, представленного богатыми образно-выразительными средствами. В формулах содержится большое количество архаизмов и не поддающихся дословному переводу слов.

7. Каждая формула абхазских благопожеланий и проклятий имеет регламентированную ситуацию, при которой она воспроизводится. Следовательно, для правильного, уместного использования нужных формул необходимо знание не только абхазского языка, но и традиционной культуры абхазов.

8. Формулы абхазских благопожеланий и проклятий имеют свою структуру, характерные для них грамматические формы, которые под воздействием магической основы жанров редко поддаются трансформации.

9. Благопожелания и проклятия представляют собой абсолютно самостоятельные жанры, но при этом они часто являются обязательными, иногда и сюжетообразующими элементами многих других жанров абхазского фольклора.

10. Четко выраженные ценностные определения, выраженные в формулах благопожеланий и проклятий, дают возможность их классификации по тематическому принципу.

11. Активное функционирование благопожеланий и проклятий в абхазском обществе позволяет продолжать пополнение богатейшей фольклорной коллекции с обязательным своевременным дополнением указателя абхазских благопожеланий и проклятий новыми формулами.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации изложены в статьях автора, опубликованных в научных сборниках и журналах, издаваемых в Абхазии и в России, а также в докладах, прочитанных диссертантом на различных научных конференциях и форумах.

Диссертация прошла обсуждение на расширенном заседании Отдела фольклора Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии от 08.10.2024 г. и рекомендована к защите Диссертационным советом по специальности 5.9.4. – фольклористика.

2. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** к диссертационной работе приводится аргументация актуальности выбранной темы, история публикаций и изучения материала, обозначаются цели и задачи работы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, методы исследования и структура диссертационной работы.

Особое внимание во вступительной части обращено на историю вопроса. Для изучения формул благопожеланий и проклятий важно было исследовать все то, на чем основываются, бытуют, развиваются исследуемые жанры: вера в магию слова, отношение общества и т.д. В этой связи важным для автора представлялось изучение не только той литературы, в которой, пусть даже и фрагментарно, были приведены формулы благопожеланий и проклятий, но и тех работ, публикаций, статей, в которых описывалось отношение к традиционной абхазской религии *анцэахацара*¹, для которой рассматриваемые тексты являются основополагающей частью.

Так, для написания данной диссертационной темы очень ценны данные, содержащиеся в публикациях Ф.Ф. Торнау, А. Нордмана, Н. Данилевского, В.И. Савинова, К. Чернышева, П.К. Услара, А.Н. Введенского, А. Эмухвари, Я. Пасхалова, К.Д. Мачавариани, П.С. Уваровой, Н.М. Альбова, М.Г. Джанашили, А. Миллера, в номерах газеты «СЗМ», в статьях Н. Патейпа, А. Векуа, Н.Я. Марра, А. Дирра, Е.М. Шиллинга, Г.Ф. Чурсина, А.Н. Генко, Л.Я. Люлье, Ф. Дюбуа де Монпере.

Особого внимания заслуживают работы Н.С. Джанашиа, С.Т. Занба. Важный материал сосредоточен в трудах Д.И. Гулиа. Основными теоретически-

¹ Анцэахацара (анцвахацара / Анц^оахацара) – традиционная религия абхазов (Бигуаа В.Л. Ритуальный мир традиционной религии абхазов. М.: Макс Пресс, 2018. С. 13).

ми работами при написании диссертации стали труды абхазского этнографа Ш.Д. Инал-ипа. Также особого внимания заслуживают статьи и монографические исследования И.А. Аджинджал, В.Г. Ардзинба, Л.Х. Акаба, Ю.Г. Аргун. Большую полевую и исследовательскую работу по изучению традиционных обрядов проводят В.Л. Бигуаа, С.А. Дбар, М.М. Барциц, А.Е. Ашуба.

Источниками формул благопожеланий и проклятий послужили публикации Ш.Д. Инал-ипа, Ю.Г. Аргун, С.Л. Зухба, Г.И. Цвинариа. Безусловно, отсутствие источников и подача формул в литературной обработке мешают исследованию, так как сложно определить, когда и где воспроизводились данные тексты и в какой форме. И тем не менее, при такой минимальной фиксации материала, даже в такой подаче, данные тексты являются для нас ценными.

Для наиболее полного охвата темы исследование было разделено на три главы, каждая из которых имеет параграфы, раскрывающие поставленные в главах вопросы.

В первой главе – «Характерные особенности абхазских благопожеланий и проклятий» – рассматривается значение благопожеланий и проклятий в мировоззрении абхазов, приводятся основные сложности фиксации исследуемых текстов, в хронологической последовательности описывается история публикации и изучения материала, рассматриваются жанровые особенности абхазских благопожеланий и проклятий.

Одна из важнейших для диссертанта задач заключалась в определении степени значимости благопожеланий и проклятий в традиционном абхазском обществе. Необходимо было обозначить важность рассматриваемых жанров не только в историческом прошлом абхазов, но и их место в настоящем времени. Эти вопросы и стали основными в первом параграфе первой главы диссертации. При этом для автора было важно раскрыть изначально саму основу, на которой базируются благопожелания и проклятия, – вера в магическую силу слова и действия. Для этого были изучены и использованы в работе высказывания о роли магии слова классических теоретиков фольклорной мысли, этнографов, лингвистов, философов. Эта часть работы позволила обозначить абхазские благопожелания и проклятия не как пережиток древности, а как жанры с глубоким прошлым, неразрывно связанным с развитием общества, его сложностями и переживаниями, моментами счастья, радости, горя и ненависти. Автором делается акцент на то, что исследуемый материал явился естественной, природной реакцией человека на те или иные явления, результатом желания изменить то, что не было подвластно ему.

Имея дело с материалом, который отчасти приветствуется обществом, отчасти – порицается, представилось необходимым понять сущность обеих этих частей. Не может веками существовать и развиваться то, что не под-

держивается той причинностью, которая и породила ее. В случае с исследуемыми текстами причиной, на взгляд автора, является желание человека действовать, воздействовать. Желание человека влиять на события, в контексте данных жанров, не могло возыметь силу без неукоснительной веры в действенность производимого обряда, произносимого магического текста. Соответственно, в основе текстов и обрядов благопожеланий и проклятий лежит действие, основанное на вере.

Когда мы говорим о вере в силу *адоуха*, необходимо подчеркнуть, что речь идет не только о вере того, кто произносит текст, но и того, в чей адрес произносится пожелание, и самого общества в целом. Ведь именно общество своим доверительным отношением способствует неугасанию жанров благопожеланий и проклятий.

Вне зависимости от того, поддерживаются народом благопожелательные тексты и зложелания, либо не поддерживаются, вера в них была и остается. Следовательно, силой благопожеланий и проклятий является вера адресата, адресанта и того социума, внутри которого и совершаются те или иные магические действия.

Одна из уникальностей магических текстов заключается в том, что абхазское общество одновременно является и создателем, и носителем, и порицателем текстов и обрядов благопожеланий и проклятий. Это удивительное сочетание наиболее отчетливо проявляется, естественно, в части проклятий. Казалось бы, народ уверенно должен был отбросить то, что искореняет его, уничтожает, мешает развитию, но тем не менее жанр проклятий, осуждаемый повсеместно, продолжает активно бытовать. Этот факт можно объяснить наличием у абхазов тех черт характера, которым свойственно вызывать тексты проклятий, – это экспрессивность, вспыльчивость, эмоциональность, традиционная тяга к чувству справедливости и мести.

Диссертантом подчеркивается, что благопожелания и проклятия можно рассматривать в качестве одного из инструментов регулирования отношений между людьми и поддержания благожелательной атмосферы в обществе (когда речь идет о благопожеланиях) и своего рода сдерживающего фактора от совершения зла, преступлений, нанесения оскорблений (когда речь идет о проклятиях). Подтверждается эта мысль и устоявшимся абхазским принципом: «человек должен либо стесняться, либо бояться» (*ауавы ма дыцхашьáроуп, ма дшэáроуп*). Следовательно, если этикет апсуара, выраженный в понятии «*пхацáроуп*», оказывался бессилем и не мог предотвратить злостный факт, применялась вторая часть этого принципа – страх / бояться (*ашэáра*). И в данном случае проклятия могли быть сдерживающим фактором. Возможно, в этом и заключается одна из причин, почему абхазское общество не утрачивает веру в проклятия и склонность к их произнесению.

Очень важно, что общество не только оценивает, корректирует рассматриваемую область культуры, но и само является, возможно, наивысшим носителем магической силы *адоуха*. Сам народ и благословляет, и проклинает. Подтверждается эта мысль выражением: «Сказанное народом свершается» (*Ажэллар ирхэо калóит*)². Сила народного благословения подтверждается пословицей: «Если благопожелание народа дойдет (букв. попадет) в человека, даже если сидит в поле, заживет» (*Ажэллар рнýchэа уавы иқэшэар, адэы дықэтэазаргы дынхауэит*)³.

Необходимо отметить и то, что общество своими же проклятиями стремится к самоочищению, то есть использует для избавления себя от тех, кто нарушает общепринятые устои. Такого рода проклятия считаются одними из самых жестоких – «Чтобы ты исчез из народа! (букв. выбыл из народа)» (*Ажэллар урылзáаит*), «Чтобы ты не находился (букв. не стоял) среди народа!» (*Ажэллар урыламгылааит!*).

В благопожеланиях и проклятиях отражаются отношение человека к сверхъестественным силам, к природе, взаимоотношения между самими носителями этого материала. В них во всех оттенках выражены естественные, присущие человеку от природы, качества и недостатки: благожелательность, экспрессивность, импульсивность, вспыльчивость. В текстах и обрядах благопожеланий и проклятий находят свое выражение самые важные ценности для человека и социума в целом. В благопожеланиях такие ценности приумножаются, в проклятиях же именно на них падает основной «удар» жанра. К таким ценностям относятся семья, общество, здоровье и т.д. Такие важные стороны жизни сохраняют за собой доминирующее место вне зависимости от того отрезка времени, в котором функционирует жанр. При этом сохраняется и передается не только содержание, но и сама структура, сам язык жанра. Это становится возможным благодаря табуированности жанров. В какой-то степени, наподобие заговоров, тексты благопожеланий и проклятий сохраняют свою форму, структуру. Говоря словами А.Н. Афанасьева, «...старина выражается и перед нами теми же самыми звуками, в каких некогда выражалась она первобытному народу»⁴.

Основной принцип, на котором держатся жанры абхазских благопожеланий и проклятий, как и традиционная культура в целом, это отсылка к прошлому, к традиции предков: «как делали наши предки» (*хабацэа шшыкарцоз*,

² Ацсуа жэапқақэа. Иресеиу, ихартэаау аабатэи атыжыра / еиқэдыршэеит О.Б. Шамба, Б.А. Гэыргэлиа. Акэа, 2012. С. 130.

³ Там же.

⁴ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. Т. 1. М.: Современный писатель, 1995. С. 10.

хабацџа ишаҳдырбоз)⁵. Происходит упрощение знания путем универсализации некоторых формул, применяемых ко множеству ситуаций.

Являясь важной частью мировосприятия, благопожелания и проклятия находили применение во всех сферах жизни, они формировали отношения между людьми, отношение человека к природе, к животным. Например, нельзя разрушать гнездо ласточки, тем более если оно свито в какой-то части дома, считается, что птица эта в отместку проклинает человека (*аҟсџыс атрџ урбџар калазџм, ишџуџџит*). Можно сказать, что исследуемые тексты и обряды входили в кодекс апсуара. А в эту систему могло войти только то, что прошло большой исторический путь и не утратилось народом.

Вся жизнь абхаза, весь его быт были проникнуты благопожелательными текстами, обрядами молений и жертвоприношений, свою тягу к чувству справедливости и возмездия он подкреплял формулами проклятий и обрядами проклинания, очистительными присягами и клятвами.

Говоря о частом использовании формул благопожеланий и проклятий, необходимо понимать, что вопрос излишней частотности не приветствовался ни в одном из них. Если же абхазская пословица гласит: «*Не бывает слишком много благопожеланий*» (*Ныҳџаҟхьыз мыцхџ калазџм*), это не означает повсеместное безразборное их применение. Приветствуются умеренное, но примененное в соответствии с ситуацией благопожелание. Это поддерживается и тем, что в некоторых ситуациях благопожелания и проклятия и не произносятся вовсе. Отношение к излишнему произнесению проклятий порицалось еще жестче: «*Постоянно букв. лезть в рот за проклятиями тоже нельзя*» (*Уџџы уаатџсуагьы ашџыира – уџџгь иаишазым*)⁶. При этом информантами подчеркивается, что важна не частотность магических формул, а их справедливое применение: «*Это, если хочешь, и днем и ночью проклинай, если нет ахака (по справедливости), оттого, что проклинаешь, ничего тебе не поможет*» (*Уџы иуџтаҳџызар иахьагьы-уахьагьы ушџыилџ, аҳџк џџкамзар, ушџџыџит хџа акгьы иуџхџазџм*)⁷.

Соответственно сказанному, и в благопожеланиях, и в проклятиях существовал принятый обществом баланс, нарушение которого не приветствовалось, как и в общем нарушении чего-либо, идущего вразрез с устоявшейся традицией. Ключевая роль в текстах благопожеланий и проклятий отводилась Богу – Анцва. Именно вера в его силу и поддержку является основополагающей частью в формировании изучаемых жанров.

⁵ Инал-ипа Ш.Д. Очерки об абхазском этикете. Сухуми: Алашара, 1984. С. 89.

⁶ Палба Адамур. 53 г. Зап. 17.11.2019 г. в с. Джьрхуа Гудаутского района Абхазии. Экспедиция в составе С. Хаджим, Д. Авидзба.

⁷ Джинджал Нугзар. 66 л. Зап. 18.09.2020 г. в с. Ельыр Очамчирского района Абхазии. Экспедиция в составе С. Хаджим, Н. Барцыц.

Многообразие форм благопожеланий и проклятий, которыми насыщена абхазская культура общения, является показателем того, насколько важна роль данных магических формул в формировании абхазского общества, в определении и расстановке ценностей. Потому тексты благопожеланий и проклятий нужно рассматривать как неотъемлемую часть абхазской традиции.

В первой главе также уделено внимание разновидностям определений благопожеланий и проклятий. Аргументируется это тем, что в научной литературе существует множество определений благопожеланий и проклятий. Некоторые из них можно вывести из самих терминов, семантически выражающих основные функции текстов и обрядов. В абхазском языке термином «*аны́хэара*» именуется как вербальный текст с благами пожеланиями, так и обряд моления. Этимология этого термина сводится к сложившимся в одно целое двум составляющим: «*án*» – *Анцáá* (Бог), «*áхэара*» – *просить*, «*Анцáá íхэара*» – «*Просить Бога*». Причем существует несколько вариантов этого термина, каждый из которых имеет свое предназначение: *аны́хэара* (моление / молиться), *ахны́хэара* (молиться над чем-то, напр., *агэ́и агэ́а́йдэ́и дрыхны́хэеит* – совершил моление, букв. помолился над сердцем и печенью, *а́йдэ́ца кны́ дахны́хэеит* – произнес тост, букв. помолился над стаканом), *а́мйа-ны́хэара* – молиться чему-то (у определенного места, напр., *ажы́ра да́мйа-ны́хэеит* – помолился кузне, у кузни), *дакэ́ны́хэеит* – благословил, адресовал чему-то слова благословения.

Термин «*а́шэира*» – проклинать, по нашему мнению, происходит от слова «*ашэ́ра*» – застывать, т.е. лишить способности двигаться, обездвижить. «*Ашэ́ира*» именуется как вербальный текст проклятия, так и обряд проклятия. Это определение не охватывает обряды проклятия, проводимые в кузнях. Для них существует специальный термин «*аб́гарá*» (предание проклятию в кузнице у наковальни, совершение проклятия в кузне). У термина «*ашэ́ира*» существует и форма «*а́кэшиэира*» – насылать на кого-то / что-то проклятие. В определении абхазских проклятий можно проследить связь между проклятием и черным цветом, а точнее, трауром, выраженным эпитетом «*а́икэ́а́йдэ́а*» (черный). Корень слова «*а́шэира*» и корень слова «*ашэ́ы*» (траур) сходятся. Кроме того, в народе можно встретить выражение, описывающее того, кого преследует проклятие: «*За ним гонится черное проклятие*» (*А́шэи еи́кэ́а́йдэ́а́ и́шьт́оуп*).

Благопожелания определены автором как тексты с содержанием позитивных пожеланий: добра, здоровья, развития и т.д. Формулы благопожеланий являются неотъемлемой частью традиционной абхазской культуры общения – *а́псидэ́ахэара*, что подразумевает не только буквальное приветствие, но и обязательную насыщенность речи благами пожеланиями, предусмотренными этикетом апсуара к каждому определенному случаю. К определению

«*ашэира*» относятся негативные пожелания, вызванные повышенным эмоциональным состоянием человека или же силой привычного, частого использования формул зложелания.

Смысловое содержание определений благопожеланий и проклятий сводится к общему знаменателю: пожелания добра / зла, основанные на вере в магическую силу слова и действия. Попытки дать четкое определение благопожеланиям и проклятиям начались, вероятно, с момента начала изучения данных магических формул.

При определении благопожеланий и проклятий необходимо учитывать общечеловеческие ценности, но также нельзя не считаться и с национальной спецификой материала. Другими словами, то, что может быть благим пожеланием в одной культурной среде, может быть неэтично внутри другой среды. При определении абхазских формул необходимо также подчеркивать ситуативность пожеланий, так как почти к каждой определенной ситуации «привязана» своя формула.

Приведенные выше и многие другие определения базируются на основных функциях и характерных чертах обоих микрожанров.

Отдельным параграфом в работе выделены жанровые особенности благопожеланий и проклятий. Благопожелания – открытый к записи жанр, чего нельзя сказать о проклятиях, которые в естественном бытовании зафиксировать практически невозможно. Они представляют собой закрытый, табуированный жанр. Основные сложности записывания этого материала вызваны: а) невозможностью предопределить его возникновение; б) нежеланием информанта воспроизводить формулы или обряд без причин и, что не менее важно, отрицанием своих знаний в этой области, нежеланием осведомить о них общество. В этом отношении проклятия близки и к другим закрытым фольклорным жанрам, таким как заговоры, плачи, народная медицина.

Зафиксировать проклятия возможно в нескольких случаях: а) в форме пересказа; б) в рамках произведений других жанров фольклора; в) в качестве характерных для человека формул, естественным образом включающихся в его речь. С такими сложностями сталкиваются исследователи многих культур. Вызвано это, вероятнее всего, табуированием жанра. Человек интуитивно понимает, что своими действиями наносит вред другому человеку. Несмотря на то, что в настоящее время существует относительная свобода в функционировании таких текстов, в проведении обрядовых действий, эта ветвь фольклора и этнографии все еще остается малоизученной. Открытость благопожеланий и закрытость проклятий создают своеобразный контраст

между двумя видами магических текстов и обрядов, имеющих при всем этом множество общих черт.

Касаясь вопроса жанровой принадлежности текстов благопожеланий и проклятий, нужно сказать, что их, как правило, относят к фразеологизмам либо к паремиям. В обоих случаях ученые сходятся в описании характерных признаков исследуемых текстов. Это лаконичность, краткость, магический подтекст.

Автор современной жанровой классификации абхазского фольклора З.Д. Джапуа отнес тексты и обряды благопожеланий, проклятий и бранные выражения к классическому обрядовому фольклору, определив их место заговорами.

Границы благопожеланий и проклятий настолько естественно вживаются в тексты других жанров, что порой их сложно разграничить. Однако, несмотря на всю общность с другими микрожанрами фольклора, тексты благопожеланий и проклятий имеют свои характерные особенности, которые в сочетании и образуют исследуемые в диссертации жанры магических пожеланий. Экспрессивное выражение мысли, неукоснительная вера в силу произнесенного слова – эти и другие, присущие благопожеланиям и проклятиям, признаки справедливо выделяют данные микрожанры в качестве самостоятельных.

В четвертом параграфе первой главы рассматриваются разновидности благопожеланий и проклятий. Существуют некоторые позиции, которые дают основания делить тексты благопожеланий и проклятий на группы. Исследователями уже производилось такого рода деление. Заслуживает внимания, в первую очередь, видение этого вопроса Е.Г. Кагаровым. По происхождению он различает два рода проклятий: умышленное и нечаянное⁸. Рассматривая абхазский материал, автор также считает целесообразным разграничение текстов на умышленные и нечаянные. В умышленных текстах ярко выражена и интонационная часть, но нечаянные тексты имеют более естественное происхождение, т.к. вырываются из уст человека, не успев осмыслиться, как исключительно природное выражение эмоций.

Осмысленные тексты могут дополняться деталями, которые не встречаются в нечаянно выраженном тексте, т.к. в последнем из уст выходят те фразы, которые в форме неизменных клише закрепляются в памяти и мыслях человека и, не успев осмыслиться, эта клишированная часть произносится вслух. Безусловно, и в такой же форме она может быть озвучена с намерением причинить зло, но обрасти деталями она может только

⁸ Кагаров Е.Г. Греческие таблички с проклятиями. Харьков: Типо-литография Г.И. Радовилского, 1918. С. 9.

в ходе осмысления произносимого и осознания ситуации. Именно в умышленных текстах проявляется естественная природа, и именно о таком виде текстов Е.Г. Кагаров писал, что они так же естественны, как чихание, сжатие рук и т.д. Это является восприятием действительности и реакцией на нее.

Умышленными и нечаянными могут быть и тексты благопожеланий, и тексты проклятий. Неожиданно произошедшее приятное событие может вызвать чувство радости, выраженное в форме благопожелания. Например, «*Да обойду я вокруг тебя!*» (*Сукэыхшааит!*), как выражение довольства неожиданно приятным поступком человека, как выражение безграничной радости; или же «*Пусть Бог благословит тебя!*» (*Анцэа уиныхэааит!*). Такие тексты, так же, как и нечаянные проклятия, лаконичны.

Если рассматривать тексты благопожеланий и проклятий с точки зрения наличия или отсутствия адресата, то их можно разделить на адресные и безадресные. В первой группе текстов конкретное указание на лицо, вызвавшее эмоциональную реакцию – положительную либо отрицательную. Адресаты могут не называться, не персонифицироваться, но в силу того, что существуют те или иные глаголы, которые привязаны к определенным объектам, уже по глаголу можно определить адресата.

Иногда формула может негласно указывать на возраст того, кому она адресована. Например, только старший по возрасту может адресовать тому, кто младше, фразу «*Да обойду я вокруг тебя!*» (*Сукэыхшааит!*), «*Да положу я свою голову вместо твоей!*» (*Ухацкы сцааит!*).

Е.Г. Кагаровым выделяются и мысленные проклятия в качестве отдельного вида. Сила содержащихся в мыслях проклятий отражается и в обряде отмаливания (*ахэы́хра*). Информантами подчеркивается, что отмаливающий должен произвести обряд чистосердечно (*дазы́разны*). Если же отмаливающий мысленно противостоит снятию проклятия, считается, что обряд отмаливания не будет иметь своего действия, т.е. проклятие остается в силе.

В качестве отдельного вида можно рассмотреть тексты, которые человек адресует самому себе. Их можно встретить и в качестве самостоятельных формул, и внутри других жанров.

Внутри похоронно-поминального обряда такие формулы встречаются и в структуре причитаний, и в качестве текстов соболезнования: «*Да увидь тебе мою смерть!*» (*Сы́сра убааит!*), «*Да не стало бы меня, не случись с вами этого!*» (*Абри шамыхкэан сара сы́камхандаз!*).

Некоторые исследователи в качестве отдельного вида выделяют проклятия умирающего и считают их одними из жесточайших видов. Обусловлено это, вероятно, тем, что проклинающий своим уходом лишает проклинаемого возможности отомстить себя, возможности освободиться от проклятия.

Возможно, на настоящий момент уже оправданно делить тексты описываемых жанров на бытовые и магические. Такая постановка вопроса сегодня весьма актуальна, т.к. некоторые благопожелания из своей основной функции перешли в статус формализма, а некоторые тексты проклятий, утерев свой первоначальный смысл, вместе с тем потеряли и смысловую нагрузку, обретя шуточную форму. На начальных этапах становления жанра и долго после него эти тексты имели только одно – магическое – значение.

Вторая глава диссертации – «Поэтико-стилевые особенности абхазских благопожеланий и проклятий» – посвящена изучению основных образно-выразительных средств, используемых в благопожеланиях и проклятиях, особенностей выражения времени в абхазских текстах благопожеланий и проклятий, грамматики формул благопожеланий и проклятий. Эти вопросы и раскрываются в трех параграфах второй главы диссертации.

При рассмотрении текстов благопожеланий и проклятий невозможно не заметить то богатство абхазского языка, которое в них вложено. Без преувеличения можно сказать, что тексты благопожеланий и проклятий являются кладзем языкового потенциала. Благопожелания и проклятия представляют собой важную часть абхазского языка. Сами определения – *аҭсиаа*, *аҭсиаахәара* – подразумевают обязательное использование формул, закрепленных за тем или иным событием или делом. Этим и было аргументировано выделение грамматических особенностей текстов благопожеланий и проклятий в качестве самостоятельного подзаголовка.

Первый параграф второй главы свидетельствует, что в благопожеланиях и проклятиях представлены богатые образно-выразительные средства абхазского языка. Яркость оттенков пожеланий подчеркивается многообразными эпитетами, гиперболами, метафорами. Обозначая свое смысловое противостояние, благопожелания и проклятия противостоят и по форме. Безусловно, именно использование таких приемов обуславливает высокую экспрессивность текстов. Изощенные формулы благопожеланий и проклятий хранят в себе архаичные выражения и не теряют их в силу того, что устоявшиеся и закрепившиеся в памяти людей, они редко позволяют менять свою структуру. Потому часто даже не бытующие в современной речи слова и выражения без изменений сохраняются в качестве форм пожеланий.

В благопожеланиях и проклятиях художественно представлены сравнения, с помощью которых формируется образ того, что желают:

«*Чтоб ты вырос как вода!*» (*Заиәа иузхааит!*) / «*Чтоб ты провалился как Папанцур!*» (*Папанцкәыр ашәа утабгааит!*). Таким образом, когда формула пожелания содержит сравнение, текст делится на две части: на сравнительный текст и на собственно пожелание. Сравнение в текстах может

быть выражено союзами «как», «словно» (*éици, аишá*) либо прибавлением личного местоимения во втором лице.

Иногда даются сравнения сюжетного характера, то есть случай, который когда-то имел место, становится формулой сравнительного пожелания. Такие сюжетные формулы вызывают особый интерес, так как, возможно, происходит своеобразный круговорот от трагического случая к образованию формулы и наоборот, так как и сама трагедия подается информантом не как роковое стечение обстоятельств, а аргументируется действием проклятия. Иными словами, результат проклятия становится формулой проклятия.

В текстах благопожеланий и проклятий имеют широкое применение эпитеты. Наиболее частотными из них являются: *абзiа / бзiа – хороший (в благопожеланиях); áцгьá / цгьá – плохой (в проклятиях); áмыжда / мыжда (в проклятиях)*. Данные эпитеты противостоят друг другу по смысловому содержанию так, как противостоят и тексты, в которых они используются.

В формулах благопожеланий и проклятий эпитеты стоят после определяемого слова. Это является результатом грамматического принципа языка. Среди эпитетов имеются и такие, которые указывают на цвет. Наиболее частотны и характерны для благопожеланий: *белый (áшкэакэа / шкэákэа)*, для проклятий – *черный (áиқэáйá / еиқэáйá)*. Причем в некоторых текстах подчеркивается абсолютное состояние цвета. Например, в тексте проклятия содержится условие: «*Белый бык без единого черного волоска*» (*Хэýц еиқэáйá злам ацэ шкэákэа*).

Иногда цвет может стать главным отличительным фактором, с помощью которого можно определить, к какому из жанров (к благопожеланиям или проклятиям) относится предмет. К примеру, распространенная и в благопожеланиях, и в проклятиях свеча иногда начинена черной нитью, что, бесспорно, указывает на ее предназначение.

Так как благопожелания и проклятия являются жанрами с сильно выраженным эмоциональным состоянием, то неудивительно, что одним из часто используемых образно-изобразительных средств является гипербола. Так, в благопожеланиях можно встретить: «*Чтобы Бог допустил тебя до тысячи лет!*» (*Зықнашықэса Анца унаишьтааит!*). Безусловно, пожелание не воспринимается буквально. Иначе такое пожелание можно было бы расценивать как проклятие, так как прожить больше отведенного Богом человеку срока – равносильно проклятию.

Образно-изобразительные средства являются инструментом, с помощью которых автор раскрывает весь смысл желаемого, подчеркивает глубину пожелания, передает красочность речи, что весьма важно для жанра, оказывающего сильное психологическое воздействие на человека.

Выделенные отдельным параграфом особенности обозначения времени в благопожеланиях и проклятиях дали возможность детальнее рассмотреть те временные рамки, которые обозначаются в качестве сроков исполнения и длительности пожеланий. Материал подтверждает, что в изучаемых нами текстах временные координаты имеют свойственные данным жанрам особенности. В зависимости от типа пожелания время может гиперболизироваться до бесконечности и предельно сужаться. Скорость исполнения желаемого и продолжительность часто являются одними из ключевых требований в пожеланиях.

В некоторых примерах временные координаты выражены конкретным обозначением, а в других – метафорично. Понятие времени в них можно рассматривать следующим образом: а) *время, обозначенное в качестве продолжительности желаемого*, то есть это отрезок времени, в котором человек чувствует себя так, как ему желается в произнесенном пожелании; б) *время, обозначенное в качестве срока исполнения желаемого* (примечательно, что в проклятиях называются более короткие, чем в благопожеланиях, сроки исполнения желаемого. Зачастую проклинаящие хотя и сиюминутно увидеть противника в том состоянии, которое они ему адресуют в своих формулах); в) *время исполнения обрядов благопожеланий и проклятий*. Эта категория времени тоже может рассматриваться по нескольким параметрам: время исполнения обряда (*утро – ашьыжь, а́мра а́жэван агы́ еи́наша́анза*); день исполнения обряда – имеются в виду дни, которые считаются наиболее счастливыми и наиболее тяжелыми.

Весьма интересно представлена в благопожеланиях и проклятиях бесконечность. Если в благопожеланиях такие формулы, как правило, сопровождаются словом «*наунагза*» – *навечно*, то в текстах проклятий желаются нескончаемые мучения, не ограниченные временем, следовательно, прекратятся они только со смертью адресата.

Время исполнения пожелания иногда выражено формулой невозможно: «*Чтоб Бог не убил тебя до того, как тебя не убью я!*» (*Сара усшьаанза Анцаа умшьааит!*). Этот же прием используется в проклятиях, но здесь он уже приобретает довольно жестокий окрас, так как тому, кому адресовано проклятие, не дается никаких шансов освободиться от него. В некоторых случаях проклятие произносится как подтверждение сказанных слов. Иногда в таких текстах указывается и короткое время для установления возможной неправоты говорящего: «*Если я вас обманываю, чтобы вы, не успев доехать, услышали о моей смерти!*» (*Сара амц шэызжьсозар, шэнеианза дыцсыит хэа шэахаат!*)⁹.

⁹ Инапц Шыкур. 84 г. Зап. 20.10.2019 г. в с. Гуп Очамчирского района Абхазии. Экспедиция в составе: З.Д. Джапуа, С.О. Хаджим, Э.В. Тодуа, М.Ф. Пилия, Р.З. Джапуа.

Временем свершения проклятия мы называем скорость исполнения проклятия, и некоторыми информантами подчеркивается эта важная деталь. Важно отметить, что в текстах абхазских проклятий даются более конкретные обозначения времени исполнения зложеланий, нежели в благопожеланиях. Например, существует вера в то, что проклятие длится несколько поколений. Информантами называются разные сроки длительности проклятия, времени его действия. Главным ограничителем времени в абхазских текстах проклятий является формула: *«Пока не сделаешь то-то и то-то, чтоб от-молить себя не мог»* (*Абрíгь-абрíгь каумйáкэа, хе́хíхíа умбуааит*), то есть проклятие определяется коротким либо продолжительным сроком, но главным фактором, ограничивающим его действие, является исполнение обозначенного требования. Иными словами, понятие времени идет в связке с действом.

Для благопожеланий же, в отличие от проклятий, характерно более абстрактное обозначение времени исполнения желаемого. Часто формулы благопожеланий включают в себя такие слова: *навечно* (*наунагза*), *на длительное время* (*шьáрдаамта*), *на долгое время* (*кря́амта*), *на сто лет* (*шьы́шықэса*), *на тысячу лет* (*зыкьна́шықэса*), *на следующий и последующий годы* (*еаангы́-ца́хэгы*).

В текстах абхазских формул благопожеланий и проклятий хорошо отображено восприятие времени, свойственное национальной культуре. Несмотря на то, что абхазы часто руководствуются принципами: *«Все в руках Бога»* (*Анцá инапы́ хану́п*), *«Всему определено свое время»* (*Зегы́ ахатэ́ы аамта́ áмоуп*), *«Всему определен свой срок»* (*Зегы́ е́хэарáк-е́хэарáк ры́моуп*), веруя в магическую силу слова, произнесенного от сердца, по справедливости (*гэ́ыкала и́хэбу́, хáқла и́хэбу́*), они все же стремятся ускорить либо продлить желаемое.

Отдельный параграф второй главы посвящен грамматическим особенностям абхазских благопожеланий и проклятий. Формулы благопожеланий и проклятий по смысловому содержанию представляют собой требование, просьбу, мольбу, потому для них характерно употребление глагола в повелительном наклонении. Тексты благопожеланий и проклятий выражаются в побудительной и восклицательной формах. В абхазских формулах отсутствуют какие-либо частицы желательного наклонения, как это часто бывает в фольклоре разных культур. Функцию таких союзов в абхазских благопожеланиях и проклятиях выполняет глагол, который идет в связке с существительным, либо сам глагол без существительного.

Магические формулы благопожеланий и проклятий могут быть выражены простым предложением и сложным. Простое односоставное предложение обозначается одним глаголом в повелительном наклонении: *«Пусть*

имя твое славится!» (Ухъзырхэагахааит!) / «Чтоб для тебя не рассвело!» (Иузымишааит!).

Большая часть вербальных текстов благопожеланий и проклятий выражена простым двусоставным предложением. Однако несмотря на то, что для таких экспрессивных текстов, как благопожелания и проклятия, и не характерен сложный состав предложения, тем не менее встречаются и многокомпонентные формулы: *«Звезда моя горит, звезда тех, кто мне нужен, и тех, кому я нужен, горит!» (Сиейдахэ кыдуп, сызтахыу-иыстахыу риайдахэ кыдуп!).*

В текстах благопожеланий и проклятий глагол, выражающий желание, требование произносящего, представлен, как правило, в будущем времени, но есть пожелания, которые отличаются тем, что они произносятся как уже свершившийся факт. Глагол в них используется в настоящем или прошедшем времени. Безусловно, происходит такая смена времени неслучайно. Произнесение желаемого, испрашиваемого в качестве уже свершившегося факта содержит высокую степень категоричности. В психологическом аспекте такие формулы имеют большую восприимчивость. Возможно, при использовании такой формы тексты благопожеланий и проклятий больше сближаются с заклинаниями, тем более что и здесь мы можем заметить усиление роли говорящего.

Редко, но бывают тексты, в которых используются вопросительная и восклицательная формы: *«Замолк что ли, чтоб замолк ты!» (Уеихаиэыма, уеихаиэыртэ!; Уеихаиэыма, уеихаиэааит!).* В таких текстах первая часть представлена в вопросительной форме, а вторая – в восклицательной. По интонации можно сказать, что и первая часть является вопросительно-восклицательной.

При рассмотрении таких семантически противостоящих друг другу жанров, как благопожелания и проклятия, необходимо отметить, что многие тексты по содержанию представляются синонимами и антонимами. Они могут синонимично выражать одинаковые мысли и так же контрастно противостоять друг другу посредством антонимов.

В большом количестве представлены понятийные синонимы, которые схожи по смыслу, но отличаются формой выражения: *«Чтоб смерть твоя настала!» (Уңсра калааит!); «Чтоб смерть твоя пришла!» (Уңсра ааиааит!).*

Встречаются также и структурные синонимы, где разницей в схожих текстах может служить один из компонентов: *«Чтоб ты в белой косынке прожила свою жизнь!» (Касы шкэакэала бымфасааит!); «Чтоб ты в белом башлыке прожил свою жизнь!» (Хтырңа шакэакэала умфасааит!).*

В структурно схожих текстах обоих жанров отчетливо наблюдается антонимичное соотношение, смысловое противостояние текстов: *«Пусть твоя*

старость будет светлой! (букв. белой)» (Уажэымҭа шкэакэахааит!) / «Пусть твоя старость будет черной!» (Уажэымҭа еиқэайэахааит!).

Особенности формул благопожеланий и проклятий требуют соответствующего им языка. Если тексты благопожеланий и проклятий произносятся в приподнятом эмоциональном состоянии, то и язык, которым эта эмоциональность выражается, использует все свои возможности для наиболее полного, емкого выражения мысли.

Исследование в рамках этого вопроса показало, что формулы благопожеланий и проклятий имеют свои признаки и в построении предложений, в определенном порядке внутри этих предложений, характерные для них наклонения. Подчеркнута особая значимость глагола в структуре формул. В благопожеланиях и проклятиях задействованы все возможности абхазского языка для более емкого и лаконичного выражения желаемого. Очевидно выражено желание адресата посредством языка формул усилить нагрузку на желаемое. Небольшой по объему анализ грамматических особенностей текстов благопожеланий и проклятий свидетельствует о том, что этот вопрос представляет собой большой интерес в изучении благопожеланий и проклятий.

Третья глава диссертации – «Благопожелания и проклятия в разных жанрах абхазского фольклора» – посвящена проявлению благопожеланий и проклятий в других жанрах абхазского фольклора, в частности, в нартском эпосе, быличках и бывальщинах, в застольных тостах.

Эдиционная работа со всеми жанрами абхазского фольклора показала, что особого внимания заслуживает тема проявления текстов благопожеланий и проклятий в других жанрах. Безусловно, в данной диссертационной работе охвачены только те из них, в структуре которых активно бытуют тексты благопожеланий и проклятий. Среди рассмотренных в отдельной главе текстов, посвященных благопожеланиям и проклятиям в иных жанрах, ключевое место справедливо занимает абхазский нартский эпос. Обосновано это не столько иерархической последовательностью затронутых жанров, но и исключительно важной ролью благопожеланий и проклятий в абхазском нартском эпосе. Наличие исследуемых жанров во всех главных сюжетах эпоса подтверждает большую роль магии слова в формировании эпического повествования. То обстоятельство, что магической силой свершения желаемого обладают основные персонажи эпоса, говорит о том, что без текстов благопожеланий и проклятий магическая сила эпических героев намного ослабнет, более того, из эпоса выпадут сюжетообразующие элементы, базирующиеся на магическом слове, развязка некоторых сюжетов существенно изменится. Магическая сила благопожеланий и проклятий красной нитью проходит сквозь все эпическое сказание, являясь неотъемлемой его частью.

По своей природе тексты благопожеланий и проклятий также близки и к мифам-быличкам, которые строятся исключительно на вере в магическую силу. Тексты благопожеланий и проклятий активно бытуют внутри многих мифологических рассказов, более того, некоторые сюжеты этих текстов формируются на основе сбывшихся благопожеланий и проклятий. Главные персонажи мифологических рассказов обладают силой исполнения сказанного, что часто служит важной составляющей в формировании того или иного мифологического сюжета. Таким образом, тексты благопожеланий и проклятий не просто включаются в мифологические рассказы, а являются важным фактором в построении их сюжетных линий и заслуживают, безусловно, еще более глубокого рассмотрения с привлечением еще большего количества текстов.

Одним из интереснейших проявлений благопожеланий и проклятий является их бытование в структуре абхазских бинарных тостов. В работах Б.Х. Бгажнокова, благодаря которому мы обратили особое внимание на данные тексты, справедливо уделено большое внимание сосуществованию благопожеланий и проклятий внутри одного цельного текста, определены особенности их бытования. Абхазские бинарные тосты отличаются мастерством сочетания благопожеланий и проклинающей частей. В них отмечен хороший поэтический слог, художественность образов, высокий дидактический подтекст. Безобидной, шуточно-юмористической формой выражены основные ценности абхазского общества и высмеяны противники этих ценностей. Отдельное рассмотрение абхазских бинарных тостов дает возможность обратить особое внимание на данные тексты и в перспективе сделать акценты на малоизученные вопросы, такие, например, как использование определенных магических чисел в тостовых пожеланиях и т.д.

За указанными выше главами следует **«Тематический указатель абхазских благопожеланий и проклятий»**. Одной из основных задач исследования являлось составление единой базы формул абхазских благопожеланий и проклятий. Практически эта задача воплотилась в Указателе формул благопожеланий и проклятий. Два основных блока указателя представляют собой тематически разбитые формулы. Большое количество выделенных тем в обоих блоках говорит о широком тематическом охвате жанров. Они включают в себя все основные сферы жизни и ценности абхазского общества. То обстоятельство, что некоторые формулы сложно поддаются переводу и требуют дополнительного уточнения, говорит об уникальности языка текстов.

Для удобства составления указателя и дальнейшего его дополнения выбрана двухчастная форма нумерации, где первая цифра указывает на тему

благопожеланий и проклятий, вторая – на номер формулы внутри обозначенной темы. Буква, стоящая перед цифрами, дает возможность разграничить тексты на группу «Б» – Благопожелания и группу «П» – Проклятия. Именно в такой форме дается ссылка на примеры внутри исследования. Практически все тексты переведены автором диссертации, за исключением записей Ш.Д. Инал-ипа.

Возможно, при последующем дополнении указателя возникнет необходимость в выделении в качестве самостоятельных тем той группы текстов, которая сейчас определена нами к относительно большим темам.

Исследование поставленных вопросов в трех главах научной работы и единый указатель формул благопожеланий и проклятий позволяют говорить о диссертательности выбранной темы, об актуальности поставленных в ходе работы вопросов, о необходимости изучения текстов и обрядов благопожеланий и проклятий в качестве самостоятельных жанров абхазского фольклора.

В **Заключении** диссертационной работы подводятся итоги исследования и сформулированы основные выводы.

Публикации по теме диссертации:

Проклятия и благопожелания в контексте абхазского нартского эпоса (цикл сказаний о Сасрыкуа) // Эпос единения и дружбы. Материалы международной научной конференции «Сказания о нартах – эпос единения и дружбы». Нальчик, 2013. С. 133–139.

Благопожелания и проклятия в застольных тостах абхазов // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. Материалы седьмой международной научной конференции. Майкоп, 2013. С. 335–338.

1. Сочетание благопожеланий и проклятий в застольных тостах абхазов // Эволюция эпической традиции. К 80-летию академика АН Абхазии Шоты Хичовича Салакая. Сухум: НААР, 2014. С. 364–373.

2. Клятвенные формулы в абхазском нартском эпосе // «Джангар» и эпические традиции тюрко-монгольских народов: Проблемы и исследования. Материалы III Международной научной конференции (г. Элиста, 15–16 сентября 2016 г.). Элиста, 2016. С. 268–271.

3. Материнское проклятие в абхазском нартском эпосе // Нартоведение в XXI веке: Парадигмы и интерпретации. Сборник научных трудов. Вып. II. Владикавказ, 2013. С. 86–97.

4. Отражение охотничьего обряда в нартском эпосе // Нартоведение в XXI веке: проблемы, поиски, решения: Материалы Международной научно-практической конференции. Магас, 2016. С. 217–225.

5. Афольклортэ текст ашьышацкара иазкны (Ацсуа нарттэ эпос ашьатала) // ААР Адырратара. Асериа «Агуманитартэ тцаарадырракэа». Акэа: Academia, 2019. № 9. Ад. 76–101. (Барцыц Н.С. лареи еицыроит).

6. Свеча благословляющая и проклинаящая // Живая старина. 3(111) 2021. С. 8–11.

7. О некоторых верованиях и обрядах, связанных с кузнечным ремеслом абхазов. Расшифровка звукозаписи, перевод, публикация и примечания С.О. Хаджим // Живая старина. 3(111) 2021. С. 14–16.

8. Ацсуа ныхэарақәеи ашьэирақәеи ртематикатэ рбага ашьакэыргылариа иазкны // Атцарауаа ҧарацәа Актәи Ацснытәи рфорум: Ацсны атцарадырракәа ракадемиа 25 шықәса ахыцра иазку атцарадырратэ конференция аматериалқәа (абцарамза 2–3, 2022 ш.) / айкэыршәащцәа: В.А. Кәағәаниа, Ф.А. Горухчиева. Акэа: Academia, 2024. Ад. 30–37.

9. «Не христиане и не мусульмане». Религиозное состояние абхазов по сведениям авторов XIX века (в контексте изучения благопожеланий и проклятий) // Христианская культура и славянский мир (Сборник статей по материалам X круглого стола, состоявшегося в рамках II Международной научной конференции «Междисциплинарные исследования в гуманитарных науках» (Москва, 16 февраля 2024 г.). М., 2024. С. 49–57.

10. Апсуа ныхэарақәеи ашэирақәеи ртематикатә рбага ашықәырғылара иазкны // Ацарауаа ҧарацәа Актәи Апснытәи рфорум: Апсны атцарадыр-рақәа ракадемия 25 шықәса ахыцра иазку атцарадырратә конференция аматериалқәа (абцарамза 2–3, 2022 ш.) / аиқәыршәащцәа: В.А. Кәагәаниа, Ф.А. Горухчиева. Акәа: Academia, 2024. Ад. 30–37.

11. «Не христиане и не мусульмане». Религиозное состояние абхазов по сведениям авторов XIX века (в контексте изучения благопожеланий и проклятий) // Христианская культура и славянский мир (Сборник статей по материалам X круглого стола, состоявшегося в рамках II Международной научной конференции «Междисциплинарные исследования в гуманитарных науках» (Москва, 16 февраля 2024 г.). М., 2024. С. 49–57.